

сказать, что предполагаемая им конструкция *mšdnm hqrt* в значении «aus der Stadt Sidon» синтаксически невозможна, как и *hmlk šhr* с переводом «Das Königtum ist ein handeltreibendes». Порода *штатф* в финикийских текстах не засвидетельствована. Слово *ʾbr* в значении «wirklich» Л. Делекат возводит к иудейско-арамейскому *ʾibrā*; таким образом, и здесь мы оказываемся вне финикийской языковой сферы. Для читателя остается загадкой конструкция *ʾrš lhm wlbdl myd bʾl*, которую Л. Делекат переводит «die Erde, Heisses und von den Händen Baals Getrenntes»; при этом он считает *hm* и *bdl myd bʾl* географическими обозначениями «жаркой» и «холодной» страны, думая, что в «надписи» речь идет о плавании через Красное море к сибирским берегам Азии и далее, минуя Аляску, вокруг Америки к Параибе (!). «Отделенными руками Ваала» путешественники называют, по мнению Л. Делеката, области, прилегающие к северному и южному полюсам. Мы оставляем в стороне вопрос о том, указан ли здесь истинный маршрут, или же путешественники хотели обмануть жителей Параибы, — вопрос, всерьез занимающий Л. Делеката. Прежде чем пускаться в подобные рассуждения, следовало бы объяснить структуру фразы и согласование отдельных ее членов... И после этого Л. Делекат пишет, что надпись из Параибы составлена на языке, который «во времена царя Хирама сидонского и экспедиции из Эфиоптебера был в Сидоне языком письменности Сидона был финикийский! Поэтому Л. Делекат прибегает к своеобразному приему: язык «надписи» он считает древнесидонским, близким к еврейскому, но с некоторыми специфическими чертами. Это был язык (по его мнению), еще живший в сидонских колониях на западном побережье Африки или Испании даже в V в. до н. э. Заметим, однако, что сидонской колонизации эти районы, насколько нам известно, не подвергались.

С нашей точки зрения, все эти конструкции лишены какого бы то ни было основания. «Язык сидонской письменности», древнесидонский и т. д. даже в изображении Л. Делеката предстает как беспорядочная смесь еврейских, арамейских, угаритских, финикийских языковых явлений, что само по себе делает его существование маловероятным. Все пока известные семитские надписи из финикийских городов Западного Средиземноморья — финикийские по своему языку. Никакой языковой смеси здесь пока не наблюдается. Тем более обращает на себя внимание филологическая несостоятельность ряда интерпретаций автора.

Итак, ни С. Х. Гордон, ни Л. Делекат не доказали подлинности «надписи» из Параибы, поэтому нет никакой необходимости специально рассматривать «исторические» выводы Л. Делеката.

И. Ш. Шифман

HERACLITUS. Greek Text with a Short Commentary, by M. Marcovich, Editio Maior, The Los Andes University Press, Mérida, Venezuela, 1967, XXXII+665 стр., 1 табл.

В наше время ломки традиций и устоев, социальных и научных потрясений и революций все больше и больше людей пытается овладеть орудием мышления, имя которому — диалектика. И многие убеждаются, что этого можно достичь, лишь поняв, как возникли привычные для нас понятия и представления, логические стереотипы и аксиомы, лишь изучив «историю мысли с точки зрения развития и применения общих понятий и категорий», как писал В. И. Ленин¹. И, естественно, они обращаются в первую очередь к истокам современного мышления — древним философиям Греции, Индии, Китая. Этим объясняется чрезвычайно возросшая тяга к досократовским учениям и особенно к учению Гераклита как среди профессиональных философов и филологов, так и среди широких слоев

неспециалистов. В этом причина чрезвычайной злободневности исследований по истории ранней греческой философии и ожесточенности дискуссий, возникающих вокруг нее. И именно в этом контексте и следует рассматривать, рецензируемую книгу филолога Мирослава Марковича, иначе нам не понять той огромной роли, которую она призвана сыграть в возрождении наследия Гераклита — наиболее яркого представителя зарождающейся философской мысли, первооткрывателя диалектической логики.

Особое место Гераклита в истории философии и его особое значение для нас, людей XX века, не требует пояснений. Гераклит — первый греческий философ, от которого до нас дошло довольно значительное количество текстов. Гераклит — первый сознательный диалектик, к тому же один из самых последовательных. Вот почему для нас так ценна каждая крупинка информации о нем и об его уче-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 159.

нии. Вот почему мы испытываем такую досаду, когда убеждаемся, что основным препятствием, затрудняющим понимание его системы, его логики, его мышления, является не только и не столько недостаток текстов и сведений, сколько наша неспособность прочесть многие из дошедших до нас отрывков его сочинения (именно прочесть, а не просто истолковать). Чтобы понять мысль, необходимо знать слова, в которые она облечена, но именно над принятием того или иного слова в качестве «правильного чтения» и ломают больше всего копы гераклитоведы.

От книги Гераклита, как известно, остались лишь фрагменты плюс так называемый «доксографический» материал — более поздние изложения «мнений» философа по тому или иному вопросу. Как фрагменты, так и доксография сохранились в средневековых рукописях, в основном византийских (а также латинских, арабских, армянских...). Понятно, что за 1000—1500 лет, отделяющих наши непосредственные источники от оригиналов, то, что осталось от последних, претерпело множество изменений и искажений, которые необходимо устранить, чтобы вернуть текстам их первоначальный вид. Иными словами, первой и до сих пор самой важной задачей гераклитоведения является установление текста, критическое издание фрагментов. И в таких изданиях недостатка не было. С начала прошлого века филологи занимаются этим тяжким и неблагодарным делом: собиравшим и критическим изданием свидетельств и отрывков. Но, увы, приходится констатировать, что достигнутые результаты ничтожны в сравнении с потраченным трудом. Нет практически ни одного сомнительного места, в чтении которого было бы достигнуто единодушие. Чем это объясняется? Во-первых, конечно, объективной трудностью исправления многих текстов: слишком часто приходится «гадать». Но, во-вторых, еще и тем, что в области истории философии, более чем где-либо, сказывается субъективность подхода каждого исследователя, пагубное влияние его мнений, его собственных философских установок и предубеждений, которые часто берут верх над стремлением к объективности, причем большей частью без того, чтобы он себе в том отдавал отчет. И из этого следует, что добросовестный историк древней философии обязан не только знать греческий язык и изучать первоисточники в оригинале (уже давно доказано, что нельзя понять какую-то ни было древнюю философию, абстрагируясь от того, что можно было бы назвать логико-грамматическим и идеологическим субстратом языка, на котором она создавалась, т. е. от того самого, что бесследно пропадает в любом, даже

наиболее тщательном переводе²), но и взять на себя труд проверить и уточнить те чтения этих первоисточников, которые он найдет в существующих изданиях, памятуя, что он имеет дело не с «сырым» материалом, донесенным нам традицией, а с материалом, обработанным и унифицированным издателем более или менее по образу и подобию своего собственного понимания Гераклита.

И именно в осуществлении этой работы «по очищению авгиевых конюшен филологии, забывающей свои законы и правила, как только она приступает к Гераклиту» (А. Ф. Лосев)³, книга М. Марковича окажется незаменимым пособием. Как ясно из ее названия, это очередное издание наследия Эфесца. Как таковому ему присущи все перечисленные выше недостатки, и историк философии, пользующийся им, должен будет соблюдать те же предосторожности, что и по отношению ко всем другим изданиям. Но издание, осуществленное Марковичем, обладает одним достоинством, которое трудно переоценить и которое выгодно отличает его от всех предшествующих, — это наиболее полное из когда-либо издававшихся собраний текстов, относящихся к Гераклиту. Если раньше, чтобы иметь в своем распоряжении все древние источники о Гераклите и о его учении, все контексты, в которых этими источниками цитируются фрагменты философа, чтобы знать все разночтения, встречающиеся в рукописях этих источников, плюс еще все исправления и изменения в текстах, предлагавшиеся исследователями, с тех пор как наследие Эфесца стало объектом изучения, историку, желающему составить себе собственное мнение по всем спорным вопросам гераклитоведения, нужно было «поднять» огромное количество изданий, книг, журнальных статей, диссертаций и т. д., многие из которых стали большой редкостью (не говоря уже о неполноте библиотечных фондов), то теперь, после выхода книги Марковича,

² Речь поэтому идет не о «языковом» барьере, существующем и между современными языками, а о барьере «историко-идеологическом»: древний язык отличается от любого современного еще и тем, что имеет в своей основе представления, в корне отличающиеся от наших: «... Стоит нам выйти за пределы названий таких вещей, как столы и деревья, и простых действий вроде бежать или есть, как оказывается, что ни одно греческое слово не имеет точного эквивалента в английском, ни одно важное абстрактное понятие не имеет того же объема» (F. W. Cornford, *From Religion to Philosophy*, 2 изд., N. Y., 1957, стр. 45).

³ А. Ф. Лосев, *История античной эстетики* (ранняя классика), М., 1963, стр. 356.

он найдет почти весь этот материал в одном объемистом томе. Главное и величайшее достоинство труда Марковича заключается в том, что автор собрал в нем — и систематизировал по фрагментам — практически весь материал, необходимый всякому исследователю гераклитовского наследия, избавив его от необходимости рыться в сотнях книг и журналов. Отныне историк располагает книгой, где он найдет не только все фрагменты и почти все свидетельства, которые науке до сих пор удалось обнаружить, но и подробные критические аппараты к ним, составленные на основе последних изданий соответствующих произведений, с указанием всех основных рукописных разночтений, всех основных эмендаций и конъектур со ссылками на точные места работ, в которых они были предложены. Более того, каждый фрагмент сопровождается кратким комментарием, где автор обсуждает основные точки зрения относительно чтения того или иного места и пытается в нескольких словах обосновать свое собственное чтение и свое понимание отрывка. Не менее ценны и приложения: «выборочная», но чрезвычайно богатая библиография (более 300 названий работ), словарь Гераклита, алфавитный указатель всех приведенных и упомянутых античных текстов (почти 250 имен авторов), алфавитный указатель исследователей, на чьи работы и выводы ссылается автор (больше 200 имен), наконец, краткий, но весьма остроумно составленный предметный указатель. Книга прекрасно напечатана, в ней чрезвычайно дельно использованы разные шрифты.

Рецензировать книгу, подобную этой, — нелегкое дело. Да простит мне М. Маркович, если я оставлю в тени многие интересные и несомненно заслуживающие внимания стороны его труда. И да будет мне позволено коснуться лишь некоторых общих и, на мой взгляд, важных вопросов, встающих перед каждым, кто держит в руках этот труд. По этим вопросам я выскажу ряд критических замечаний, тем более резких, что предмет их мне представляется существенным. Чтобы не создавалось превратного впечатления, будто я огульно охаиваю большую часть проделанной автором работы, я хочу со всей силой подчеркнуть здесь, что читатель найдет в книге Марковича не только богатейшее собрание текстов, но и огромное число отдельных, весьма ценных наблюдений, выводов, решений, останавливаясь на которых я здесь не имею никакой возможности, ибо для этого потребовалось бы написание целой книги, но которые необходимо иметь в виду при оценке работы в целом.

Вопросы, о которых пойдет речь, непосредственно связаны с двояким характером труда Марковича. С одной стороны, этот труд является справочником, сбор-

ником источников, с другой, — критическим изданием всех источников со всем, что такая работа предполагает (оценка достоверности того или иного текста, решение всех текстологических и интерпретационных трудностей и т. д.). Поэтому содержание книги можно условно разделить на две части: документальную и исследовательскую. Сам автор подтверждает эту двойственность, когда пишет в своем предисловии (стр. XV): «Настоящая книга является в первую очередь *сборником первоисточников*. Я стремился дать в ней *критический текст* всех дошедших фрагментов Гераклита» (курсив мой. — С. М.). О значении документальной части я уже сказал: именно в ней заключена непреходящая ценность книги. О некоторых общих вопросах, касающихся исследовательской части, я скажу ниже. А сейчас необходимо остановиться на том, что можно было бы назвать противоречием между документальной и исследовательской сторонами книги. Чтобы дальнейшее было понятным, читатель должен знать, какова структура книги. Вот что о ней говорит автор (стр. XV—XVI)

«а) Основным критерием была степень буквальности цитат из Гераклита. Так, каждое из свидетельств (которые, между прочим, относятся к периоду примерно в 2000 лет — от Иона Хиосского до Марсилио Фичино (1433—1499) — и число которых значительно больше, чем в любом прежнем издании Гераклита) обозначено буквой С (= Citatio, цитата *verbis expressis* Гераклита) или буквой Р (= только парафраза фрагмента) или буквой R (= Respicit: не более чем реминисценция фрагмента или ссылка на него) в зависимости от наиболее вероятной степени его буквальности. Только слова, выделенные жирным шрифтом, могут быть приписаны самому Гераклиту.

б) В соответствии с системой обозначений С, Р и R свидетельства отмечены буквами (а), (b), (c), (d) и т. д. и расположены в порядке своей ценности или близости к тому, что представляется наиболее вероятным оригиналом Гераклита, отмеченным чаще всего буквой (а). Следовательно, ряд (а), (b), (c) и т. д. не предполагает хронологической последовательности свидетельств (последняя может быть, например, такой: (b), (c), (а), как в фр. 98 (В 49 DK).

в) Зависимость одних источников от других обозначена индексами: (а), (а¹), (а²): (b), (b¹), (b²) и т. д., указывающими, что свидетельства (а¹), (а²) и т. д. как будто имеют общий источник (а). Иногда бывает, что этот общий источник не сохранился. Особое внимание уделялось преемственности цитат фрагментов в античности».

Иными словами, весь документальный материал распределен Марковичем между фрагментами. Под каждым фрагментом

читатель найдет все свидетельства, которые, по мнению Марковича, имеют к нему какое-то отношение, причем эти свидетельства расположены в порядке убывающей близости к тексту, принимаемому Марковичем в качестве собственных слов Гераклита, и сгруппированы под одной буквой, если они, по Марковичу, восходят к одному источнику. За свидетельствами следует комментарий к фрагменту. Вот, для примера, что мы найдем у Марковича (стр. 2—5) под его фрагментом 1 (= В 1 DK)⁴ (я сохраняю всю его систему буквенных обозначений, и индексов):

«(a) C Sext. Emp. adv. math. VII, 132 — цитата из Гераклита выделена жирным шрифтом;

(b) C Hippolyt. refut. IX, 9, 1 (p. 241, 15 Wendland) — здесь и ниже цитата выделена разрядкой;

(c) C? Clem. Strom. V, 111, 7 (II p. 401 Stählin³) (= Euseb. praep. ev. XIII, 13, 39 /II p. 214 Mras/);

(d) P Aristot. rhet. Γ 5, p. 1407 b 14 Ross;

(d¹) Anon. in Arist. rhet. p. 183, 19 Rabe — текст не приведен;

(d²) (A 4 DK) Demetr. de elocut. 191 — текст не приведен;

(e) R Cleanth. hymn. Jov. 21 Zuntz (Harvard Stud. 63 (1958) p. 303) — здесь и ниже слова под влиянием Г. выделены разрядкой;

(f) R Amelius ap. Euseb. praep. ev. XI, 19, 1 (II p. 45 Mras) (= Theodoret. Gr. aff. cur. II, 88; Cyrill. c. Iulian. 8, p. 283 Aubert = PG 76, p. 936 A);

(g) R? (19 DK; 6 B) Clem. Strom. II, 24, 5 (II p. 126 St.);

(h¹) R (73 DK; 94 B) M. Ant. IV, 46 post fr. 4 (72);

(h²) R (75 DK; 90 B) M. Ant. IV, 42;

(i¹) R? Hippol. ref. I, 4, 1 (p. 9 Wendl. = Dox. p. 558) — здесь и ниже без выделенных слов;

(i²) Procl. in Tim. I p. 351, 5 Diehl;

(i³) Diog. Laërt. IX, 5;

(k) R? fr. 23 (f) (112 DK; 107 B)».

Материал этот чрезвычайно пестр. Здесь четыре несомненных цитаты фр. В 1 — (a), (b), (c) и (d) (непонятно, почему Маркович сомневается в «цитатности» клементовского эксцерпта и считает аристотелевский парафразой); два свидетельства о стиле Гераклита — (d¹) и (d²); две несомненные реминисценции фр. В 1 — (e) и (f); три текста, фигурирующие в других изданиях как отдельные фрагменты, отличные от В 1 (В 19, В 73

и В 75 DK) — (g), (h¹) и (h²); три доксографических материала, где о Гераклите утверждается, что он считал себя знающим все — (i¹), (i²) и (i³); наконец, четыре слова (...καὶ ποιεῖν κατὰ φύσιν...) из текста, также фигурирующего в прочих изданиях как отдельный фрагмент (В 112), а у Марковича как возможная реминисценция — и только — фр. В 114 + 2 — (k). Примерно таким же образом распределен и весь остальной материал, прикрепленный к другим фрагментам. Такое расположение материала имеет для автора то преимущество, что позволяет ему, не прибегая к длинным пояснениям, выразить с вою точку зрения относительно ценности, степени буквальности, преемственности и т. д. того или иного свидетельства, принадлежности той или иной цитаты Гераклиту. Так, из расположения и «индексации» свидетельств, помещенных под фр. 1 (= В 1), мы узнаем, что, по Марковичу, Секст, Гипполит, Клемент и Аристотель почерпнули свою цитату из разных источников, что фр. В 19, В 73 и В 75, по его мнению, — лишь реминисценции фр. В 1, что он усматривает какую-то связь между фр. В 1 и доксографическим общим местом о всезнательстве Гераклита и т. д. Иными словами, вся документальная часть полностью подчинена у Марковича исследовательской части, а это весьма затрудняет читателю использование книги именно как «сборника первоисточников», а не как «сборника выводов автора. Сам способ «подачи» материала как бы навязывает читателю точку зрения автора, ибо найдя такое-то свидетельство под таким-то фрагментом, читатель будет невольно связывать его именно с этим фрагментом и рискует проглядеть его связь с другими фрагментами; найдя такой-то «бывший» фрагмент под другим фрагментом в качестве простой «реминисценции», читатель будет тем более склонен принять это мнение за общепризнанный факт, что поразительная эрудиция М. Марковича неминуемо охладит его критический пыл. К этому «психологическому» неудобству примыкает и другое, чисто практическое: поскольку свидетельства распределены по всей книге «тематически» на основе точки зрения автора, читателю, желающему собрать все свидетельства, относящиеся к какой-то теме, не выделенной у Марковича или выделенной им неправильно, придется перерывать всю книгу; многие важные сплошные античные тексты о Гераклите — например «жизнеописание» Гераклита у Диогена Лаэртия или антиноэтовские главы Гипполита — раздроблены у Марковича на мелкие кусочки, разбросанные по всей книге, и собрать их воедино отнюдь не легкий труд; наконец, многие тексты, которые, по Марковичу, не имеют отношения к Гераклиту, а по другим исследователям — имеют, им опущены вовсе или

⁴ По причинам, о которых будет речь ниже, я в этой статье буду придерживаться нумерации издания Diels — Kranz, Die Fragmente der Vorsokratiker (далее — DK) с соответствующими литерами (A — свидетельства, B — фрагменты, C — подражания). Номера без литер даны по нумерации Марковича.

приводятся лишь в комментариях. Вся структура издания Марковича покоится на допущении, что читатель должен согласиться со всеми его мнениями и выводами. Документальная часть растворяется в исследовательской, и поэтому, несмотря на свое удивительное богатство, книга не вполне удовлетворительно выполняет свою главную миссию — быть «в первую очередь сборником источников» (стр. XV). Да не поймут меня превратно: я отнюдь не оспариваю права автора на собственное мнение, но мне кажется, что ценность его книги возросла бы — причем без ущерба для выводов и точек зрения, которые он защищает и в которых желает убедить читателя, — если бы он четко, «пространственно» разграничил справочную и исследовательскую части, что вполне осуществимо. Достаточно было собрать все тексты в едином разделе свидетелств, расположив их в алфавитном порядке авторов независимо от содержания (и включая тексты, не имеющие, по Марковичу, отношения к Гераклиту, если другие исследователи придерживаются иного мнения), а всю исследовательскую работу выделить в другой раздел со ссылками на соответствующие места из раздела свидетелств. Этот другой раздел и был бы, собственно, изданием фрагментов, окончательный текст которых приводился бы уже без каких-либо контекстов. Так, все тексты, помещенные под фр. 1 (см. выше), приводились бы в положенных им местах раздела свидетелств, а в исследовательском разделе был бы дан только окончательный текст самого фрагмента с ссылками на: (a) C Sext. Emp. adv. math. VII, 132; (b) C Hippolyt. refut. IX, 9, 1 и т. д. и комментарием. Такое расположение материала не потребовало бы даже увеличения объема книги, ибо были бы устранены все многочисленные интервалы между кусочками сплошных текстов, все повторения одного и того же места под разными фрагментами, да и отпала бы надобность в алфавитном указателе приведенных мест. Пользуясь разделом свидетелств, читатель мог бы строить свой «исследовательский раздел» в соответствии с собственными выводами.

К этому недостатку книги примыкает другой дефект того же порядка. Все в том же предисловии Маркович пишет: «Изречения (т. е. фрагменты. — С. М.) делятся на три части и несколько групп согласно их наиболее вероятному значению. В настоящей Editio Maior 125 фрагментов разбиты на 25 групп. Алфавитный порядок Дильса (см. RE, Suppl. X, p. 270, 31 ff) не выдерживает критики. Нумерация изд. Дильса — Кранца всегда указана в скобках...» (стр. XVI).

Маркович вводит свою тематическую нумерацию фрагментов. [Весь набор фрагментов у него разделен на три части: Учение о Логосе, «Учение об огне» и

«Этика, политика и прочее» (причем «прочее» включает неясные, сомнительные и неаутентичные фрагменты), а каждая часть подразделяется на группы (12 в первой части, 9 во второй и 4 в третьей)]. И хотя, по Марковичу, дильсовская нумерация «не выдерживает критики», ему приходится все же приводить соответствующий номер DK каждый раз, когда он ссылается на свой номер того или иного отрывка. Это ли не лучшее доказательство того, что нумерация DK выдержала проверку временем и сейчас наиболее употребительна? Нумерация фрагментов, основанная не на какой-то определенной их трактовке или классификации, а на чисто формальном и условном признаке, имеет то преимущество, что она в равной мере приемлема для всех и чрезвычайно удобна в качестве всеобщей системы обозначения фрагментов, ничуть не обязывающей пользующихся ею разделять чью-либо определенную интерпретацию места и роли тех или иных отрывков в сочинении Гераклита. Несостоятельность же любой тематической нумерации очевидна, если сравнить, скажем, нумерации Шустера и Байютера, Уилрайта и Марковича: все они коренным образом отличаются друг от друга. Неудобство нумерации Марковича усугубляется, помимо общего неудобства тематических нумераций, еще и тем, что многие фрагменты, аутентичность которых признается рядом исследователей, оказались у него без своих номеров и помещены в качестве свидетелств под номерами других фрагментов, поскольку, по его мнению, они не являются собственными словами Гераклита. Так, Маркович отвергает фр. В 19, В 73 и В 75 (DK) и помещает их в качестве парафраза и реминисценций (g), (h¹) и (h²) под фр. 1 (= В 1). Но если я несогласен с его выводами и признаю их аутентичность, то мне гораздо удобнее ссылаться на них, как на фр. В 19, В 73 и В 75, а не фр. 1 свид. (g), фр. 1 свид. (h¹) и фр. 1 свид. (h²). А таких фрагментов, релегированных в разряд парафраза и реминисценций, насчитывается у Марковича около двух десятков! Если учесть, к тому же, что довольно большое число «сомнительных» и даже фальшивых фрагментов (входящих в раздел *Dubia et Spuria*) все же получили свои собственные номера (фр. 112—125), как и несколько заведомо небуквальных свидетелств (фр. 61 = А 1, 65 = А 13, 108 = А 18—19), приходится констатировать, что система нумерации Марковича весьма запутанна и неудобна.

Второй весьма достойной сожаления особенностью книги Марковича является то, что можно было бы назвать ее «неогиперкритицизмом». (Здесь мы покидаем документальную часть его работы и переходим к исследовательской.) Обычно, когда мы говорим о гиперкритицизме, мы имеем в виду в основном немецкую клас-

сическую филологию прошлого века. Однако что касается Гераклита, эра гиперкритицизма наступила значительно позже, в начале нынешнего века, примерно в 1916 г., когда вышла папумевшая книга Карла Рейнгардта «Парменид и история греческой философии»⁵, и достигла своего апогея в наше время — в «Космических фрагментах» Кэрка⁶ и в рассматриваемом издании Марковича. Небесполезно проследить в общих чертах эволюцию гераклитовского набора фрагментов; это, в частности, покажет нам, что гиперкритицизм Марковича отнюдь не исключительное явление, а результат целой тенденции западного гераклитоведения. Первый «современный» сборник фрагментов Гераклита, осуществленный Шлейермахером (1808), насчитывал 75 фрагментов: многие отрывки были тогда неизвестны, многие он проглядел. Муллах (1860) поместил в свое издание 96 фрагментов. Байуотер (1877) собрал в своем капитальном труде 130 подлинных и 8 подложных фрагментов. Наконец, Дильс (1901) признал подлинными 130 отрывков (фр. В 1 — В 126), из которых 5 отсутствуют у Байуотера [некоторые байуотеровские фрагменты им объединены под одним номером (В 5, В 91, В 118), другие отнесены к доксиграфии (А 19, А 22)], а 15 — сомнительными или ложными (В 126А — В 139). Кранц (1934), сохранивший Дильсову нумерацию, склонен считать подлинными еще три фрагмента из дильсовских ложных (В 128, В 129, В 137) отрывков⁷. Итого в изд. ДК 133 подлинных и 12 неподлинных или сомнительных фрагментов. Однако Карл Рейнгардт в упомянутом труде 1916 г. поставил под сомнение достоверность целого ряда отрывков. Его примеру последовал позже и Олоф Гигон (1935 г.)⁸. В 1954 г. вышло кэрковское издание космических фрагментов Гераклита, в котором подробно разбираются 59 отрывков из ДК, причем 47 из них

признаются аутентичными, а остальные 12 — сомнительными парафразами или фальшивками. В общем перечне упомянутых в книге фрагментов 106 представлены как подлинны, а 14 как сомнительные (в том числе 12 дильсовских подлинных). Еще 12 из дильсовских подлинных фр. в ДК вовсе не упомянуты у Кэрка. В результате получается, что в лучшем случае Кэрк признает аутентичность лишь 118 отрывков (некоторые из них он к тому же лишает целой части или нескольких слов). В рассматриваемом здесь издании Марковича, который, как он сам указывает, «*grosso modo* разделяет подход к Гераклиту, принятый покойным Рейнгардтом и Кэрком» (стр. XVI—XVII), положение еще более катастрофическое для гераклитовского наследия. Из 125 пронумерованных им фрагментов лишь 111 признаются им аутентичными, 3 — сомнительными и 11 — подложными. Но это не все: четыре «фрагмента» Марковича являются на самом деле лишь доксиграфическим материалом (фр. 61/А 1,9—11/, 65 / А 13/, 108 / А 18—19/ и 116/А 16/, причем последний текст отнесен к фальшивым). Выходит, что Маркович признает подлинность лишь 108 отрывков. Он отвергает как парафразы и реминисценции Дильсовы фр. В 8, В 19, В 37, В 49А, В 69, В 70, В 71, В 72^b, В 73, В 75, В 76^{abc}, В 77^{ab}, В 82—83, В 91, В 112, В 113, В 116, В 128, В 131, В 136, В 137, сводя их respective к следующим фр.: В 51, В 1, В 13, В 12, В 49, В 79, В 117, В 17, В 1, В 1, В 36, В 36 и В 62, В 79, В 12а, В 114 + В 2, В 114 + В 2, В 5, В 46 (сомн.), В 24, В 80. В категорию сомнительных он относит фр. В 46, В 47 и В 115. Свидетельства А 22 (выпад против Гомера, Илиада Σ, 107) он отвергает как мисинтерпретацию фр. В 80. Он считает фальшивыми (кроме несомненно подложных В 127, В 130, В 132, В 133, В 134, В 135, В 138 и В 139) еще и А 16 (свидетельство Секста Эмпирика о теории познания Гераклита), В 67А и В 126А (аутентичность последнего мною будет аргументирована в другой работе). Фр. В 126В вовсе опущен. Наконец, Маркович отвергает как слова, принадлежащие авторам соответствующих свидетельств, фр. В 12^b и В 14^a. Справедливости ради следует отметить, что он за а и за б а е т аутентичность таких отрывков, как В 66 (против Рейнгардта и Кэрка), В 89 (против Дильса, Рейнгардта, Кранца и Вальдера, отвергавших вторую часть, и Кэрка, отвергавшего первую), В 106 (против Бернайска, Рейнгардта и Кэрка), В 125А (против Вилламовича, Вальпера и Кэрка) и В 129 (против Дильса, Прехтера и Г. Гомперца). И тем не менее картина получается удручающая: почти одна шестая предполагаемого гераклитовского наследия оказалась за бортом! Конечно, дело здесь не в арифметике

⁵ K. Reinhardt, *Parmenides und die Geschichte der griechischen Philosophie*, Bonn, 1916 (2 изд. — Frankfurt a/M, 1959).

⁶ G. K. Kirk, *Heraclitus, The Cosmic Fragments*, Camb., 1954 (reprint with corrections 1962).

⁷ Fr. Schleiermacher, *Heraclitus der Dunkle, von Ephesos, dargestellt aus den Trümmern seines Werkes und den Zeugnissen der Alten*, B., 1808; F. Mullach, *Fragmenta Philosophorum Graecorum*, (v. 1), Parisii, 1860 et 1883; I. Bywater, *Heracliti Ephesii Reliquiae*, Oxonii, 1877; H. Diels, *Die Fragmente der Vorsokratiker*, Bd I, B., 1903 (4 изд., 1922); H. Diels, W. Kranz, *Die Fragmente der Vorsokratiker*, 5 изд., 1934 (12 изд. — 1966).

⁸ O. Gigon, *Untersuchungen zu Heraclit*, Lpz, 1935.

и если действительно было бы доказано, что все указанные отрывки не принадлежат Гераклиту, с этим пришлось бы смириться и соответственно пересмотреть наши взгляды об учении Эфесца. Однако достаточно ознакомиться с основаниями, на которых Маркович отвергает большинство названных фрагментов, чтобы убедиться, что в лучшем случае он доказывает лишь возможность непринадлежности Гераклиту данных слов. За исключением фр. В 14а, В 67А и В 91b, отказ от которых подробно аргументируется и может быть опровергнут лишь путем тщательного разбора всех доводов, в остальных случаях Маркович ограничивается аргументацией вроде следующей (стр. 10), где «доказывается» неаутентичность фр. В 19, В 73 и В 75: «Свидетельство (g) (= фр. 19 DK) представляется реминисценцией фр. 1. То же можно сказать и о свидетельствах (h¹) (= фр. 73 DK) и (h²) (= фр. 75 DK): только слова τοὺς καθυβόντας ἐργάτας εἶναι могли бы принадлежать Гераклиту, но и их можно свести к καθυβόντας ποιεῖν καὶ λέγειν (= h¹), возведя и то, и другое (выражение) к словам ὁμοῦς εὐβόντας ποιοῦσιν».

Вот и все. Во всей книге Маркович пользуется при отрицании подлинности отвергаемых им фрагментов почти исключительно следующими стереотипными аргументами: а) оспариваемый фрагмент можно свести к другому фрагменту (В 8, В 19, В 37, В 82—83, В 91, а также В 49А) или оспариваемый фрагмент является «не более как реминисценцией» другого фрагмента (В 19, В 69, В 70, В 73, В 75, В 128, В 136, В 137), и б) оспариваемый фрагмент является подражанием стоического (В 12b, В 76, В 112, В 113, В 116), пифагорейского (В 77a, В 77b), скептического (А 16, В 91, В 49А) или христианского (В 128) происхождения; при этом к одному и тому же фрагменту иногда применяются оба аргумента. Трудно не поражаться той легкости, с которой автор разделяется с неудобными ему отрывками; ведь отказ от всякой крупницы информации, сохранившейся от Гераклита, — нешуточное дело, и нужны действительно веские основания, чтобы получить право заявить: такой-то фрагмент, донесенный нам традицией под именем Гераклита, ему не принадлежит.

К этому «эмоциональному» протесту против побоища, учиненного Марковичем (и теми, по чьим стопам он пошел), следует добавить кое-какие соображения методологического характера. Является ли «сводимость» одного фрагмента к другому достаточным основанием для отрицания его подлинности? Когда говорят о «сводимости», имеют в виду синонимичность одного высказывания другому или его выводимость из другого. Чтобы «сводимость» оказалась достаточным основа-

нием, необходимо, чтобы была доказана невозможность повторения одним и тем же автором одной и той же мысли разными словами или невозможность для одного и того же автора, высказавшего определенную мысль, вывести вытекающую из этой первой мысли вторую мысль. И то, и другое, разумеется, недоказуемо и нелепо. Так, по Марковичу, утверждение, «нельзя действовать и говорить подобно спящим» сводимо к утверждению «от других людей скрыто все, что они делают, бодрствуя, совсем как они забывают все, что делают во сне» (соответственно фр. В 75 и конец В 1). Действительно, из того, что некоторые люди живут, как во сне, можно вывести, что лучше таким людям не уподобляться. Сводимость налицо. Но можно ли в силу этого утверждать, что это следствие вывел Марк Аврелий, а не сам Гераклит? Ни в коем случае. Наоборот, мне представляется вполне естественным для Эфесца сперва обрушиться на людей за то, что они спят наяву, а затем вывести «мораль» из этого прискорбного факта: нельзя же действовать и говорить, как спящие! В конце концов, Марк Аврелий ссылается на Гераклита, а не от своего имени говорит.

Не более убедительны и ссылки на «происхождение» того или иного «подражания». Из того (чаще всего) факта, что такой-то отрывок имеет, скажем, стоическое «звучание», или дошел до нас через стоиков, делается вывод, что его сочинили стоики по аналогии с каким-либо из подлинных фрагментов и приписали Гераклиту. При этом не учитывается, что стоики (а также скептики — Энесидем — и раннехристианские мыслители) многое позаимствовали у Гераклита и что «стоическое» звучание могло быть на самом деле гераклитовским. Если тем более подлинный «образец» налицо, — иными словами, если существует другой фрагмент, похожий чем-то на оспариваемый, — подложность последнего считается доказанной. Вряд ли надо доказывать неубедительность таких доводов и тем не менее они бьются. Так, Маркович (вслед за Целлером, Бригером и др.) отвергает три отрывка, помещенные в DK под номером В 76. На каких основаниях это делается? Маркович пишет (стр. 360), что «они стоического происхождения: стоики добавили *ἄν* к огню (душе), толкуя изречение (имеется в виду фр. В 36, к которому Маркович «сводит» фр. В 76^{abc} — С. М.) как цикл изменений четырех элементов». Сам Маркович толкует фр. В 36 как цикл физиологических изменений (вода = кровь, земля = плоть и кости), следуя в этом за Гиганом. То же самое доказательство приведено у Кэрка (стр. 342 сл.), с той лишь разницей, что он трактует фр. В 36 как цикл физических превращений и все-таки объясняет, на каких основаниях зиждется мнение, что Гераклит не считал воздух элементом:

1) воздух не упоминается во фр. В 31, 2) он не упоминается во фр. В 36, 3) он не упоминается в диогеновском изложении учения Эфесца (по Теофрасту). На это можно возражать: фр. В 31 чрезвычайно туманен, и усмотреть в нем физический цикл превращения «элементов» весьма трудно, ибо в нем говорится не об огне, а о «престере», не о воде, а о море так что отнюдь не исключено, что он имеет сугубо метеорологический характер; то же самое относится к диогеновскому свидетельству; упоминание воздуха во фр. В 36 объясняется очень просто тем, что в нем речь идет о превращениях души. Из фр. В 77^a мы узнаем, что «для душ удовольствие, а не смерть, влажными стать», фр. В 117 дает нам пример человека с влажной душой — пьяницы, у которого душа испытывает удовольствие от своей влажности, но зато становится весьма плохим руководителем, ибо он «шатается» и «не знает, куда ступает». Фр. В 36 объясняет, почему влажность вредна: слишком влажная душа (точнее совсем влажная) мертва, это уже не душа, а вода, так же как слишком «густая» вода есть уже земля и наоборот. С другой стороны, свет — это «душа сухая, самая мудрая и самая хорошая» (В 118). Ясно, что во всех этих превращениях душа как раз и занимает место воздуха, — вспомним свидетельство Секста (А 16), согласно которому душа получает знание от контакта с «окружающим» (τὸ περιέχον). К этому надо добавить, что Гераклит никак не мог игнорировать существование и роль воздуха после Анаксимена, что он никак не мог игнорировать элементарную связь между дыханием и жизнью, наконец, что он никак не мог отождествлять душу с чистым огнем, ибо ему пришлось бы объяснить, почему тело не строится от него, а только слегка теплится. Но даже если допустить, что Гераклит не признавал воздуха, как объяснить, что стоики «прочли» огонь там, где у Гераклита написано душа, — ведь сами стоики тоже не считали душу чистым огнем, а смесью огня и воздуха или испарением (см., например, контекст Клеанта к фр. В 12)? Как объяснить к тому же такой любопытный факт, как превращение стоиками одного и того же фрагмента Гераклита (где душа «умирает» в воду, вода — в землю, из земли «рождается» вода, а из воды — душа) в три разных изречения, ни в одном из которых нет и намека на душу и в каждом из которых описывается разный цикл превращений, причем ни один из этих циклов не совпадает с описанным в фр. В 36, даже если мы отождествим душу с огнем? Считать, что трем разным стоикам могла прийти в голову одна и та же идея «переписать» фр. В 36, заменить душу огнем и вставить отсутствующий воздух, — уже крайне невероятно; но еще более удивительно то, что, придя

к этой мысли, они не скалькировали цикл, описанный в В 36, а изобрели каждый свой собственный. Последнее было бы вполне возможным, если бы эти стоики излагали свои личные мнения. Но все три источника единодушно называют Гераклита автором приводимых ими слов. Единственное разумное объяснение всех этих парадоксов следующее: фр. В 76^{abc} не являются стоическими переделками фр. В 36, более того, они являются не разными версиями одного и того же отрывка Гераклита, а тремя разными его фрагментами, описывающими «путь вверх», «путь вниз» и «кривой путь». Трудно, конечно, сказать, насколько буквально в них воспроизведены слова Эфесца, но несомненно, что к В 36 они не имеют никакого непосредственного отношения и потому должны рассматриваться как самостоятельные источники информации о Гераклите. Получается довольно любопытная картина: фрагменты, из которых недвусмысленно следует, что Гераклит включал воздух в число первоначеств, отвергаются на том основании, что в других фрагментах, как б у д т о относящихся к тому же вопросу, он воздух не упоминает; и поскольку инкриминированные фрагменты дошли до нас через стоиков, последним и вменяется в вину введение воздуха и приписывается авторство отрывков, хотя они и заявляют, что приводят слова Эфесца.

Легко заметить, что, пользуясь критическими здесь методами, можно в принципе отвергнуть любой фрагмент Гераклита, хоть в чем-то схожий с другим. Действительно, если два отрывка настолько близки по содержанию, что один из них можно «свести» к другому, его объявляют реминисценцией другого; если, напротив, они недостаточно близки, чтобы можно было говорить о «сводимости», один из них объявляется стоическим, скептическим или еще каким-то подражанием другому, причем в качестве основного довода приводится то самое различие между ними, которое не позволило «свести» их один к другому. Если последовательно придерживаться такого метода, придется признать гераклитовскими лишь фрагменты, не имеющие никакого сходства с другими.

Здесь уместно остановиться на общих принципах, которыми, по-моему, следует руководствоваться при решении столь важного вопроса, как подлинность того или иного фрагмента. Первым и, быть может, самым существенным правилом должен быть отказ от апрорного систематического недоверия к показаниям древних. Прав В. Гасри⁹, когда он пишет, что куда разумнее «следовать основ-

⁹ W. K. C. Guthrie, A History of Greek Philosophy, I, Cambr., 1962 (reprint 1967), стр. 405.

ному принципу судопроизводства и требовать доказательств вины (а не невинности. — С. М.). Если учесть преимущества, которыми пользовались древние авторы, в частности то, что они имели в своем распоряжении гораздо больше материала из первых рук, чем мы, такое отношение представляется и более скромным, и методологически более здравым. Все что мы знаем о Гераклите, мы узнали от них, и постоянно подозревать их в невежестве, непонимании и подлоге — значит лишь себя вообще всякой почвы под ногами. Королларием к этому правилу должен быть решительный отказ от таких «критериев недостоверности», как сводимость или негераклитовское «звучание» — второй, кстати, является типичным порочным кругом: ведь наше представление о гераклитовском «звучании» зависит от состава набора признаваемых нами фрагментов, а состав этого набора зависит от нашего представления о гераклитовском «звучании». Если что нам непонятно, в этом надо в первую очередь винить себя и свою несообразительность, только во вторую очередь — переписчика, и лишь в последнюю очередь автора свидетельства, который мог что-то недопонять, перепутать, неверно процитировать на память. Иначе мы будем при малейшем затруднении сваливать все со своей большой головы на здоровые головы наших информаторов и оставаться в безраздельной власти наших априорных схем.

Несколько слов о новых чтениях, предложенных М. Марковичем для некоторых фрагментов Гераклита.

В фр. В 21, который до сих пор принимался всеми издателями без исправлений, он предлагает поставить $\dot{\upsilon}\pi\alpha\rho$ вместо $\dot{\upsilon}\pi\lambda\omicron\varsigma$: «Смертью является все, что мы видим, бодрствуя, а все, что во сне, — я вью». Такое чтение делает отрывок более симметрично парадоксальным, чем рукописное. Однако смысл изречения от этого не становится яснее, особенно если учесть отрицательное отношение Гераклита ко сну, к «спячке» бодрствующих. По-моему (если только связывать этот фрагмент со свидетельством Халкидия о пророческих снах — А 20), фрагмент В 21 гораздо легче поддается толкованию, если сохранить слово $\dot{\upsilon}\pi\lambda\omicron\varsigma$: если мы не общаемся с Логосом, то «смертью является» все, что мы видим, бодрствуя, а все, что во сне, что мы видим, спя, является сном (без сновидений).

Маркович предлагает также новое чтение фр. В 59: $\gamma\upsilon\acute{\alpha}\varsigma\omega\nu$ (вместо рукоп. $\gamma\rho\alpha\varsigma\epsilon\omega\nu$) — «Ч е с а л ь н о г о в а л и к а п у т ь прямой и кривой один и тот же». Я согласен с Марковичем, что рукописное чтение неприемлемо, но мне кажется, что существует более правдоподобное решение: $\pi\rho\alpha\tau\epsilon\omega\nu$ «начал». Все «технические» трактовки невозможного $\gamma\rho\alpha\varsigma\epsilon\omega\nu$

(в том числе и приводимая у Гипполи-та) игнорирует «физическое» значение $\acute{\iota}\delta\acute{\omicron}\varsigma$ у Гераклита (ср. фр. В 59, В 60 и Diog. Laërt. IX, 8—9). $\pi\rho\alpha\tau\epsilon\omega\nu$ Pythag. ap. Syrian. in Metaphys. 10,4 Kroll. Дорическая форма, возможно, заимствована у Пифагора. Ср. еще двусмысленность: $\pi\rho\alpha\tau\epsilon\omega\nu$ «начал» и $\pi\rho\alpha\tau\epsilon\omega\nu$ «товаров (от $\pi\rho\alpha\tau\epsilon\omega\nu$)» с фр. В 90. Интерполированное замечание о вите («улитке»), употребляемом в вавилонских мастерских, — всего лишь добавленный кем-то другой пример тождества прямого и кривого пути и не надо искать никакого сходства между словом, скрывающимся под $\gamma\rho\alpha\varsigma\epsilon\omega\nu$ и словом, скрывающимся под $\gamma\rho\alpha\varsigma\epsilon\omega\nu$, хотя вторая ошибка и явилась явной контaminaцией от первой.

Прав, по-моему, Маркович, соглашаясь с перестановкой фр. В 63—66, предложенной Френкелем (см. DK ad loc.).

Во фр. В 67 Маркович вставляет $\dot{\epsilon}$ между словами $\pi\acute{\iota}\rho$ (добавленным Дильсом) на $\delta\acute{\iota}\kappa\tau\alpha$. Это несомненно улучшает синтаксис предложения, и не исключено, что он прав. Вполне возможно также, что слова $\kappa\alpha\iota$ $\acute{\alpha}\gamma\alpha\delta\acute{\alpha}$ в фр. В 102, за-свидетельствованные лишь одной рукописью, являются чей-то вставкой. Хотя ритмика фрагмента скорее говорит в пользу их подлинности, Маркович их вычеркивает.

Что же касается чтения В 44, принятого Марковичем, оно мне кажется слишком отклоняющимся от рукописного текста. В рукописях мы имеем $\mu\acute{\alpha}\chi\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ $\chi\rho\eta$ $\tau\acute{\omicron}\nu$ $\delta\acute{\iota}\mu\omega\nu$ $\dot{\upsilon}\pi\epsilon\rho$ $\tau\acute{\omicron}\nu$ $\nu\acute{\omicron}\mu\omega\nu$, $\dot{\upsilon}\pi\epsilon\rho$ $\tau\acute{\omicron}\nu$ $\gamma\iota\nu\omicron\mu\epsilon\nu\omega\nu$ (последних трех слов нет в части рукописей), $\delta\acute{\iota}\omega\sigma\pi\epsilon\rho$ $\tau\epsilon\lambda\chi\omega\varsigma$. Все издатели до сих пор отвергали слова $\dot{\upsilon}\pi\epsilon\rho$ $\tau\acute{\omicron}\nu$ $\gamma\iota\nu\omicron\mu\epsilon\nu\omega\nu$ как диттографию (которую Дильс читал так: $\dot{\upsilon}\pi\epsilon\rho$ $\tau\acute{\omicron}\nu$ $\gamma\epsilon$ $\nu\acute{\omicron}\mu\omega\nu$). Маркович, напротив, отказывается от слов $\dot{\upsilon}\pi\epsilon\rho$ $\tau\acute{\omicron}\nu$ $\nu\acute{\omicron}\mu\omega\nu$, а слова, отвергаемые ранее, принимает, читая их так же, как Дильс, но с перестановкой $\dot{\upsilon}\pi\epsilon\rho$ $\gamma\epsilon$ $\tau\acute{\omicron}\nu$ $\nu\acute{\omicron}\mu\omega\nu$ (благодаря перестановке получается ямбический триметр). Мне же представляется, что слова $\dot{\upsilon}\pi\epsilon\rho$ $\tau\acute{\omicron}\nu$ $\gamma\iota\nu\omicron\mu\epsilon\nu\omega\nu$ не могут быть диттографией (хотя и были приняты за таковую переписчиком какой-то рукописи-архетипа), ибо в них два лишних слога, их лучше читать $\dot{\upsilon}\pi\epsilon\rho$ $\tau\acute{\omicron}\nu$ $\gamma\epsilon$ $\nu\omicron\mu\acute{\iota}\mu\omega\nu$ «за действительно установленный», сохранив и предшествующие слова $\dot{\upsilon}\pi\epsilon\rho$ $\tau\acute{\omicron}\nu$ $\nu\acute{\omicron}\mu\omega\nu$. Из этого чтения следует, что Гераклит противопоставлял «действительно установленный» закон законам новоиспеченным, а это проливает дополнительный свет на его политические взгляды.

Чрезвычайно любопытны наблюдения Марковича над ритмикой Гераклита (см. предметный указатель под сл. Metric). Так он отмечает, что фр. В 3, В 78, В 137 и последние четыре слова фр. В 5 являются вторыми половинами гекзаметров.

Многие фрагменты, как считает Маркович, — ямбические триметры: В 33 (отсутствуют два первых слога), В 44 (если читать ἔτέρ γε τοῦ νόμου), В 47, В 49 (недостаёт первого краткого слога), В 78 (если читать γνῶμας οὐκ ἔχει вместо μὲν οὐκ ἔχει γνῶμας), В 105 (если читать εἰς μέσον вместо ἐς τὸ μέσον) и фальшивый В 132 (если читать καὶ δουλοῦνται вместо καταδουλοῦνται). Жаль только, что автор не приходит к какому-то определенному выводу о значении этого факта. В одних случаях он видит в этой метрике стилистический прием Гераклита, в других — доказательство того, что фрагмент взят из какого-то стихотворного переложения книги Эфесца, вроде того, которое у Диогена приписывается Скитину Теоскому.

Интересен и используемый Марковичем прием разбития фрагментов на «стихи» с тем, чтобы, как он сам указывает, «подчеркнуть с е м а н т и ч е с к и е единицы или синтагмы, входящие в состав ритмической прозы Гераклита» (стр. XVI). Автор тут же уточняет, что при этом он не стремился произвести метрический анализ. Однако довольно часто ему непроизвольно удается выделить именно метрические единицы, которые, как я попытаюсь когда-нибудь показать, зачастую строятся у Гераклита на чере-

довании не долгих и кратких, а ударных и безударных слогов.

В заключение следует сказать, что, несмотря на все свои недостатки, главные из которых были нами рассмотрены, книга М. Марковича является несомненно работой, наиболее приближающейся к мечте всех гераклитоведов и историков древнегреческой философии — пока еще несуществующей *Encyclopaedia Heraclitea*. Автор проделал огромную и трудную работу, объединив под одним переплетом невероятное количество разрозненных текстов, собрав богатейшую документацию, и уже одним этим заслужил глубокую благодарность всех, кто посвятил себя тяжелому, но увлекательному делу по распутыванию бесчисленных загадок и головоломок, унаследованных нами от Гераклита. И если некоторые выводы Марковича нам кажутся неприемлемыми, это должно лишь побудить нас к еще более осмотрительному обращению с источниками, ибо нельзя забывать, что результаты, к которым мы приходим, имеют не только чисто познавательное значение, но могут еще оказаться чрезвычайно полезными для осознания человечеством путей развития своего мышления, средств, при помощи которых оно отражает мир, а значит и для улучшения этих средств, для совершенствования самого мышления.

С. Н. Муравьев

RAYMOND BOGAERT, *Banques et banquiers dans les cités grecques*, Leyde, 1968, 453 стр.

Монография бельгийского ученого Богарта посвящена важной и недостаточно исследованной до сих пор проблеме. Начало ее научного изучения было положено выступлением М. Куторги на заседании Французской Академии наук в Париже в 1859 г. об афинских трапезитах¹. Несмотря на краткий и суммарный характер сделанного Куторгой обзора, он привлек внимание к деятельности древнегреческих банков², и с тех пор не прекращается поток работ, посвященных различным аспектам этой проблемы. В основном исследовался наиболее многочисленный и доступный аттический материал (судебные речи), затем папирусные свидетельства Птолемеевского Египта и, наконец, эпиграфические данные.

¹ M. Koutorga, *Essai historique sur les trapezites ou banques d'Athènes*, P., 1859.

² Слово «банк» и производные от него здесь и далее употребляются мной условно, поскольку они фигурируют повсеместно в рецензируемой работе и в научной литературе.

Появившиеся в 20-х годах нашего века работы Хазебрэка и Цибарта³ стали отправными вехами для любого дальнейшего исследования в этой области. Но и после них многое осталось неясным и спорным. Основной причиной является состояние источников — их случайный и зачастую фрагментарный характер и почти полное отсутствие документальных данных.

Работа Богарта — первая попытка на основе всех имеющихся разнообразных свидетельств — литературных, эпиграфических, нумизматических — дать обобщающую картину деятельности древнегреческих банков, от их появления в VI—V вв. до н. э. до прекращения их деятельности в III в. н. э.

Автор не ограничился одной какой-либо областью древней Греции или одним

³ J. Hasebroek, *Zum griechischen Bankwesen in der klassischen Zeit*, «Hermes», 55 (1920), стр. 113—173; E. Ziebart, *Hellenistische Banken*, «Zeitschrift für Numismatik», 34 (1924), стр. 36—50.